

— А Цюэ, — Шэнь Ло резко оттянул Шэнь Цюэ в сторону и, наклонившись к самому его уху, прошептал: — Ваше Высочество сегодня еще не ужинал. Боюсь, он не в духе, так что будь предельно осторожен.

Шэнь Цюэ кивнул, а затем жестами спросил:

— Почему он расстроен?

Шэнь Ло слегка опустил взгляд, словно не решаясь встретиться с ним глазами:

— Я и сам толком не знаю...

Шэнь Цюэ, держа в одной руке поднос с едой, другой похлопал его по плечу — знак утешения. Он уже собирался войти внутрь, но Шэнь Ло внезапно перехватил его за запястье и беззвучно прошептал одними губами:

— Возможно, из-за тебя.

Шэнь Цюэ замер. Не успел он отреагировать, как Шэнь Ло снова беззвучно произнес:

— Короче говоря, что бы ты там ни увидел и с чем бы ни столкнулся, сохраняй полное спокойствие.

Шэнь Ло, обычно легкомысленный и небрежный, сейчас смотрел на него с такой редкой серьезностью, что Шэнь Цюэ ощутил невольный трепет. Он всегда жил по правилам, был осмотрителен и осторожен. Чего Ванье не позволял — того он не смел коснуться даже во сне, а что разрешал — того старался лишний раз не делать.

Шэнь Цюэ наконец немного поднял голову и жестами ответил:

— Но ведь это было приготовлено для вас.

Он изо всех сил старался не смотреть на пол зала, но в памяти отчетливо стоял жуткий вид мертвой девушки. Се Шигуань молчал, не сводя с него глаз. Шэнь Цюэ опустил взор, уверенно поставил миску с куриным супом и лапшой на столик и снял защитный шелковый колпак.

Шэнь Цюэ на мгновение застыл, но тут же все понял и опустился на колени у стола. Поразмыслив, он успокоил себя: у него нет ни отца, ни матери, он одинок, никто из его близких не мог навлечь беду, а порученные Ванье дела он выполнял безупречно.

— Ты всегда такой внимательный, — усмехнулся Се Шигуань. — Помнишь, что я не ем яичный желток.

Лин-эр мертва.

В покоях курились благовония, тонкий аромат сандала перебивал запах воска, но Шэнь Цюэ все равно уловил нечто странное. Взгляд Ванье скользнул по его лицу, и он внезапно скомандовал:

— Садись.

Неужели... Ванье узнал его тайну?

Шэнь Цюэ взглянул на миску: прозрачный бульон, несколько капель масла и белок яйца без желтка. Шэнь Ло легонько подтолкнул его в спину. Шэнь Цюэ наконец выдохнул, обменялся с Шэнь Ло быстрым взглядом и, опустив голову, переступил порог.

Нет, этого не может быть. Он скрывал это столько лет, никому не рассказывал, даже Шэнь Ло не знает. На душе у Шэнь Цюэ словно лежал туман — не то чтобы больно, скорее какое-то оцепенение.

— Ешь.

Алеющие от мороза щеки, губы, тронутые румянами, тепло, смех — такая яркая, живая жизнь.

И этот запах... Запах ржавчины. Кровь. Он не ошибся, это была кровь.

На каменном полу лежала женщина, лицом вниз, в луже крови. Растрепанный пучок волос, короткая куртка цвета лотоса, в руке крепко сжата серебряная шпилька, заточенная до остроты ножа.

Всего на миг Шэнь Цюэ отвел взгляд, а затем послушно достал из поясной сумки бамбуковые палочки и, выпрямившись на коленях, принялся за еду. Под пристальным взглядом Ванье у него по спине бежали мурашки, сердце колотилось, а на лбу выступил пот.

Шэнь Цюэ думал, что Ванье что-то скажет, но тот молчал, не сводя с него глаз. Когда Шэнь Цюэ уже решил, что тишина будет длиться вечно, Се Шигуань внезапно произнес:

— Ты узнаешь ту, что лежит на полу?

От неожиданности рука Шэнь Цюэ дрогнула, и капли бульона пролились на стол. Се Шигуань нахмурился и веером смахнул миску — фарфор с треском разбился, а остатки супа залили одежду Шэнь Цюэ. Тот немедленно склонился в поклоне и быстро зажестикучировал:

— Ваше Высочество, прошу, не гневайтесь!

Шэнь Ло, стоявший за дверью, услышал шум и встревоженно позвал:

— Ваше Высочество?

— Молчать.

Ванъе наклонился и сложенным веером приподнял подбородок Шэнь Цюэ:

— Отвечай на мой вопрос, Шэнь Цюэ.

Шэнь Цюэ поспешно ответил:

— Слуга узнал её. Это служанка из внешнего двора. Три года назад мы случайно познакомились. Общались поверхностно, но она всегда была исполнительной и осторожной, я это видел. — Тут Шэнь Цюэ не сдержался и спросил: — Ваше Высочество, в чем она провинилась?

Се Шигуань холодно усмехнулся:

— Ты хочешь сказать, что я не разбираюсь в людях и несправедливо наказал эту твою примерную служанку?

Шэнь Цюэ в страхе ударился лбом о пол.

— Она всего лишь рабыня с подписанным контрактом. Казнить её или миловать — не тебе решать.

Шэнь Цюэ в волнении начал быстро жестикулировать, но Се Шигуань не понимал его и лишь подпер щеку рукой, наблюдая за его суетой. Когда Шэнь Цюэ остановился, Ванъе лениво добавил:

— Раз вы лишь знакомые, с чего бы ей дарить тебе серебряную шпильку, а тебе — принимать от неё мешочек с благовониями? На людях вы притворялись, а за спинами, кто знает, может, уже и делили ложе.

— Серебряная шпилька — подарок на день рождения. Я дарил Шэнь Ло и нефрит, и кисти для мечей — это лишь подарки друзьям, ничего более. А мешочек... я его не принимал.

Се Шигуань рассмеялся:

— Если у тебя не было намерений, зачем девушке, не жалея чести, дарить тебе такой подарок?

Шэнь Цюэ не знал, как оправдаться. Ванъе всегда был остер на язык, а он, немой, не мог найти слов, чтобы доказать свою невиновность.

— Возможно... — медленно показал Шэнь Цюэ, — это недоразумение.

— Да неужели?

Шэнь Цюэ снова опустил голову.

— Убери тело, — Се Шигуань поморщился. — От него воняет грязью.

— Слушаюсь. — Шэнь Цюэ ответил сразу, но не поднялся. Он знал, что не должен спрашивать, но не удержался: — Это из-за того, что я был слишком близок с Лин-эр, поэтому Ваше Высочество...

Не успел он закончить жест, как Се Шигуань прервал его:

— Не тебе задавать вопросы.

Голос прозвучал холодно, словно иней на зимних ветвях. Шэнь Цюэ понял, что больше спрашивать нельзя, подошел к телу Лин-эр и привычными движениями приготовил его к погребению.

Когда Шэнь Цюэ ушел, неся тело Лин-эр, Се Шигуань позвал Шэнь Ло.

— Что прикажете, Ваше Высочество? — Шэнь Ло склонился в поклоне.

— Когда Шэнь Цюэ вернется после погребения, — бесстрастно произнес Се Шигуань, — убей его. В память о годах его службы, похорони его по-человечески.

Шэнь Ло вздрогнул, но ответил:

— Слушаюсь.

Се Шигуань помолчал и добавил:

— Сделай все чисто. Пусть это выглядит как дело рук клана Мяо.

— Слушаюсь.

Он ответил машинально, но почувствовал, как его голос дрожит.

*

Наступили сумерки. Зимой темнеет рано, после заката поднялся легкий ветерок, и с неба посыпались редкие снежинки. По обыкновению, тело Лин-эр следовало бы бросить в общую могилу, изуродовав лицо, но Шэнь Цюэ, не в силах так поступить, купил простой гроб. Не смея ставить надгробие, он поспешно похоронил её на окраине.

Шэнь Цюэ молча стоял перед маленьким холмиком. В поместье у него было мало друзей — только Шэнь Ло и Лин-эр. Остальные считали его угрюмым, ведь он был немым и страдал от недуга. Он завидовал Шэнь Ло, умевшему легко находить общий язык с людьми, но сам не решался на большее.

Простояв так долго, Шэнь Цюэ достал из рукава мешочек с благовониями, который подобрал, когда убирал тело Лин-эр. Самая простая ткань, вышивка с бабочками — работа была неискусной, совсем как сама её хозяйка, обычная простая девушка.

Он снова вспомнил её. Сегодня утром, по пути на тренировочную площадку, он проходил мимо беседки посреди озера Биюй Фуцзин. Это озеро с теплой водой, оно никогда не замерзало даже в лютые морозы. Издалека он увидел фигурку в короткой куртке цвета лотоса: черные волосы, простая серебряная шпилька, руки за спиной — она что-то старательно выводила на снегу.

Шэнь Цюэ улыбнулся и тихо подошел со спины. Не успел он коснуться её плеча, как Лин-эр, будто почувствовав что-то, обернулась. Она просияла, глаза превратились в щелочки, и она заговорила, жестикулируя:

— Чего подкрадываешься? Я тебя когда-то обидела, и ты решил меня напугать?

Шэнь Цюэ улыбнулся и ответил жестами:

— В такой холод, что ты здесь делаешь с самого утра?

— В такой холод? А мне жарко, — она рассмеялась, ее щеки пылали румянцем. — А ты чего встал так рано?

— Привычка, — ответил Шэнь Цюэ.

Он был прямолинейным, неотёсанным мужчиной и, не заметив румян на её лице, решил, что она заболела от холода:

— Ты сегодня подозрительно покраснелась, возьми у наставницы Юнь отгул, отдохни полдня.

Лин-эр замерла, коснулась своих щек, но не рассердилась, а рассмеялась еще громче:

— Какой же ты дурачок, это же румяна!

Шэнь Цюэ смотрел, как она смеется. Ему нравилась Лин-эр: обычная внешность, никакого происхождения, такая же простая, как он сам, но в ней была удивительная жажда жизни. Столько лет, кроме Шэнь Ло, только она могла достучаться до его сердца.

Они некоторое время молча смотрели друг на друга. Шэнь Цюэ, как истинный простака, не уловил вдруг возникшей между ними двусмысленности. Наконец Лин-эр вздохнула и вынула из рукава новый мешочек:

— Видела, твой совсем износился, вот сделала новый. Внутри сушеные османтусы, что я собирала осенью, и немного цветков сливы...

Она потянулась к его поясу, чтобы заменить старый мешочек. Только тогда Шэнь Цюэ осознал происходящее и поспешно отступил на шаг. У него в душе все перемешалось. Он не смел смотреть ей в глаза, глядел только на её плечи. Он был уже немолод, видел, как его сослуживцы обзаводятся семьями, и иногда завидовал.

В глубине души он питал к Ванье чувства, в которых не мог признаться даже самому себе. Эта любовь была обречена, она гнила в его сердце. Он понимал, что между ними ничего не может быть, и даже эти мысли казались ему осквернением. Если бы он хоть раз обмолвился, то оставалось бы только покончить с собой, чтобы искупить вину.

Поразмыслив, он решил: Лин-эр — простая девушка, она лучше всех ему подходит. Она добра, не презирает его за немоту, с ней он не будет одинок. Но, к сожалению, его чувства к ней были лишь дружескими. Она была так хороша, а он... он не только немой, но и имел изъян, о котором нельзя было говорить. Он не мог портить ей жизнь.

Шэнь Цюэ отступил, и Лин-эр все поняла. Ее глаза покраснели — она была уязвлена и огорчена. Больше они не сказали ни слова, и когда Шэнь Цюэ опомнился, она уже убежала.

Всего один день — и человека не стало.

Шэнь Цюэ почувствовал тупую боль в груди. Он развязал мешочек, высыпал сухие цветы на могилу Лин-эр, а сам мешочек сжег вместе с поминальными бумагами.

<http://bllate.org/book/19999/1972154>